

Отдельные главы рассказывают о пище, об одежде, о различных приметах и поверьях, о заговорах и знахарстве, о божествах и духах, о старых обычаях, связанных с рождением ребенка, о свадебном обряде и о похоронах, о фольклоре. Наиболее интересна из них глава о свадьбе, по объему уступающая лишь главе о земледелии. П. Виртаранта дает здесь развернутое описание традиционной свадьбы и отмечает ее веселый характер, обилие песен — карельских и русских; невеста причитала, как отмечает автор, только в период от «девичьей бани» до отъезда к венцу. Описание свадьбы богато подробностями, характеризующими магическую, игровую и другие стороны обряда. Но о современном состоянии обряда автор ничего не говорит.

Если в работе о тверских карелах П. Виртаранта касается в той или иной степени современности, то совершенно отсутствует она в двух других книгах: о северных карелах и людиках. Здесь автор пользуется только воспоминаниями. В книге «Народ Беломорья вспоминает» записи воспоминаний, приведенные с соблюдением лишь самой необходимой транскрипции, главным образом иллюстрируют и развивают авторский рассказ о жизни северных карел, зато в «Людиковских текстах» автор-рассказчик совершенно отсутствует, а воспоминания опубликованы с полной транскрипцией и снабжены лишь переводами на финский язык. Отсюда и ценность книг по содержащемуся в них этнографическому материалу существенно различается. «Людиковские тексты», составленные из воспоминаний одного информатора, хотя и отличавшегося большими познаниями и хорошей памятью, дают гораздо более узкое представление о прошлом быте и культуре карел-людиков, нежели тщательно собранные и обобщенные автором воспоминания более сорока информаторов о быте собственно карел. Тем не менее обе работы даже в чисто этнографическом плане заслуживают самого серьезного рассмотрения, чего мы в рамках данной статьи, к сожалению, сделать не можем³⁴.

Итак, основные явления, происходящие в современной финляндской этнографической науке, в частности — в этнографии карел, заключаются в следующем. В послевоенные годы вновь возрос интерес к культуре карельского народа, причем изучение ее развивается уже на новой, более объективной основе. Укрепляются связи между советскими и финскими финно-угроведами. Все полнее подытоживаются и обобщаются результаты исследований XIX — начала XX в., выявляются новые задачи, требующие незамедлительного решения. Примером такого своевременного решения по праву можно назвать книгу П. Виртаранта «Народ Беломорья вспоминает».

Широко применяется в финляндском финно-угроведении сравнительный метод. Правда, обычно сравниваются материалы только по родственным народам, но все чаще взгляд исследователя начинает обращаться и на соседние народы.

³⁴ О том, насколько обширный и обстоятельный материал содержится в этих трудах П. Виртаранта, можно составить представление уже по нескольким примерам. Так, книга о северных карелах состоит из 37 глав, посвященных самым разнообразным темам: рунопевцы и знахари, верования, исторические предания, болезни, одежда, пища, неурожайные годы, представления о небесных светилах, грозах и северном сиянии, рыболовство, охота, средства передвижения, жилище, семья и семейный быт, соседские отношения, игры, празднества, свадьба, топонимика и т. д. и т. п. — причем все это темы отдельных глав. Из них самая большая глава — о свадьбе — занимает более 90 страниц и дает подробное описание традиционной северокарельской свадьбы. Даже о способах изготовления из бересты различных предметов домашнего обихода, обуви, веревки и многого другого рассказывает целая глава. Представлен в книге и фольклорный материал: причитания, песни, загадки, поговорки, заговоры, заклинания.

Ю. Сурхаско

НАРОДЫ СССР

А. Я. Порицкий. *Побут сільськогосподарських робітників України в період капіталізму*. Київ, 1964, 138 стр.

Изучение быта сельскохозяйственных рабочих помогает уяснить процесс формирования и становления сельского пролетариата, понять его историческую роль как наиболее надежного и последовательного союзника промышленного пролетариата.

В работе А. Я. Порицкого рассматривается быт сельскохозяйственных рабочих¹ главным образом юга Украины (Херсонской, Екатеринославской и Таврической гу-

¹ На эту тему А. Я. Порицким были опубликованы следующие статьи в журнале «Народна творчість та етнографія»: «Заробітчанські землеробські артілі на Україні (в кінці XIX на поч. XX ст.)» (1957, № 2); «Побут сільськогосподарського пролетаріату півдня України кінця XIX — початку XX ст.» (1958, № 1); «Дрожні артілі сільськогосподарських робітників України кінця XIX — початку XX ст.» (1958, № 4); «З сімейного побуту сільськогосподарських робітників доби капіталізму» (1959, № 4).

берний), где было наиболее развитое сельское хозяйство и еще с дореформенных времен широко применялся наемный труд. Хронологически исследование А. Я. Порицкого посвящено в основном 1880—1907 гг., когда сельскохозяйственный отход на юг Украины достиг наибольших размеров. Впоследствии наплыв рабочих значительно сократился — падал спрос на рабочие руки в связи с ростом применения сельскохозяйственных машин. Исследование А. Я. Порицкого основано на печатных, архивных и полевых материалах (им опрошено около 400 бывших сельскохозяйственных рабочих). Оно дает всестороннюю, хотя и краткую, этнографическую характеристику сельскохозяйственного пролетариата южной Украины.

Книга состоит из трех частей. Первая часть — «Капитализм и формирование сельскохозяйственного пролетариата»; содержание ее шире названия. Автор касается в ней вопросов численности, сословного, национального, возрастного состава сельскохозяйственных рабочих, причин переселения их к местам найма, условий найма, заработной платы, условий труда.

Вторая часть посвящена материальной культуре сельскохозяйственных рабочих — их жилищу, одежде, пище. Жилища сельскохозяйственных рабочих по внешнему виду и внутренней планировке отличались от жилищ крестьян-середняков и особенно кулачества. На юге Украины в качестве жилища местных рабочих были широко распространены полуземлянки — тесные, холодные и сырые. Жилища, предоставляемые пришлым рабочим, были еще хуже. Сезонники летом, а иногда и осенью, спали под открытым небом, в непогоду прячась под возами, в соломе и т. п. Постоянные работники жили в землянках, но в еще большей тесноте и антисанитарных условиях, чем крестьяне-бедняки.

В отличие от жилища, одежда сельскохозяйственных рабочих быстрее подвергалась изменениям. Шилась одежда из покупных фабричных тканей, которые в конце XIX в. почти совершенно вытеснили дмотканину. Постепенно, в результате дальних путешествий сезонников, к традиционным видам украинского национального платья добавляются некоторые элементы городского или свойственного другим национальностям костюма. Автор приводит данные, характеризующие одежду сельскохозяйственных рабочих в первые пореформенные годы и в начале XX в., показывает возрастные различия в ней, дает описание специального костюма чабанов, затрагивает вопрос обеспеченности одеждой рабочих-отходников.

Пища сельскохозяйственных рабочих сохраняла черты украинской национальной кухни, но в нее входили только самые простые и недорогие традиционные блюда. Пища была малокалорийной, однообразной, часто недоброкачественной.

А. Я. Порицкий на примере различных сторон материальной культуры показывает, как с развитием капитализма формируется своеобразный быт сельскохозяйственного пролетариата, отличающийся от быта крестьянства. В этом вопросе он полемизирует с Н. Н. Лебедевой и Г. С. Масловой, утверждавшими, что в России сельскохозяйственный отход либо не оказывал никакого влияния на материальную культуру, либо даже способствовал консервации старых форм².

Третья часть работы А. Я. Порицкого посвящена общественному и отчасти семейному быту. Главное внимание уделено артелям, вопросу очень интересному, который почти не разрабатывался советскими учеными. А. Я. Порицкий показывает сравнительно широкое распространение артелей среди пришлых рабочих на юге Украины в конце XIX в. и исчезновение их в начале XX в. под влиянием возросшего употребления машин и связанной с этим безработицы (хозяевам было выгоднее нанимать одиночных рабочих, чем артельных — это обходилось дешевле). Автор выделяет несколько типов артелей, характеризует их внутреннее устройство и быт. В работе подчеркивается положительная роль артелей, которые, с одной стороны, позволяли рабочим добиваться лучшей оплаты и условий труда, с другой — воспитывали своих членов в духе коллективизма. Трудовые наемные артели, в которые объединялись сельскохозяйственные рабочие, А. Я. Порицкий называет «землеробскими» или «заробітчанскими», в русском переводе — «земледельческими», «производственными» или «производственно-бытовыми». Из этих названий только украинское «заробітчанская» точно выражает сущность наемной трудовой артели, а все остальные с равным успехом могут быть отнесены и к объединениям иного характера (типа артели-кооператива).

Спорным представляется понимание автором сущности объединений, названных им дорожными артелями. Несомненной заслугой А. Я. Порицкого является то, что он обратил внимание на своеобразные сообщества, в которые вступали отходники во время пути от мест жительства к местам найма. Но вряд ли правильно давать этим союзам название дорожных артелей, объединяя таким образом различные явления — трудовые артели, которые и в пути, естественно, сохраняли артельную форму, и одиночных рабочих, создававших своеобразные организованные группы. Эти группы функционировали не только в дороге — члены их старались, по возможности, наниматься к одному хозяину, чтобы во взаимоотношениях с ним чувствовать поддержку товари-

² «Всесоюзное этнографическое совещание». Москва, 1956 г., «Тезисы докладов на пленарных заседаниях», М.—Л., 1956, стр. 12.

щей. Но это не были артели — каждый член такой группы нанимался самостоятельно и не отвечал за другого перед хозяином. В то же время такие группы не являлись и потребительскими артелями: в пути «дорожная артель» часто подразделялась на две-три потребительские, а во время работы по найму ни о каком совместном питании не было и речи.

В своей интересной работе А. Я. Порицкий в ряде случаев допускает неточности в употреблении терминов. Так, он часто подменяет вопрос об образовании сельского пролетариата вопросом о дифференциации крестьянства, ставит знак равенства между сельскохозяйственными рабочими и всей массой беднейшего крестьянства и называет их не классом, а прослойкой крестьянства.

В результате исследования общественного и семейного быта сельскохозяйственных рабочих А. Я. Порицкий приходит к выводу, что в нем, несмотря на силу традиций, «сформировался ряд новых черт (коллективизм, более свободное положение женщины, меньшая зависимость взрослых детей и др.), которые сближали его с бытом промышленных рабочих» (стр. 135).

Тема, поднятая А. Я. Порицким, интересна и очень обширна. Каждый из вопросов, затронутых им, мог бы послужить сюжетом для отдельного исследования. Рецензируемая книга, являющаяся началом разработки этой важной темы, несомненно, заинтересует этнографов и историков.

Н. Юхнева

С. В. Иванов. *Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.)*. Народы Севера и Дальнего Востока. «Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. 81, М.—Л., 1963. 500 стр., 318 рис.

Археологи и этнографы-сибиреведы с большим интересом ожидали выхода из печати труда С. В. Иванова, в котором его автор — один из крупнейших исследователей народного искусства и видный советский этнограф-сибиревед — ставил задачу исследования орнамента народов Севера и Дальнего Востока под историко-этнографическим углом зрения. Изучая отдельные стороны этого орнамента, автор старался, как он об этом сам пишет в предисловии, извлечь из них данные, прямо или косвенно указывающие на происхождение народа, его родственные и исторические связи с другими народами, на культурные взаимоотношения народов. Изучение сибирского орнамента в этом аспекте имеет очень важное значение для сибиреведения, где столько еще «белых пятен» на листах ее этнической истории, а круг исторических источников сравнительно узок.

За последние годы и у нас, и за рубежом опубликовано много книг и статей, в которых орнамент используется для выводов по истории культуры и этногенезу отдельных народов. Вместе с тем, все чаще со стороны этнографов и археологов, занимающихся этнической историей, можно услышать серьезные критические замечания в отношении существующей методики изучения народного орнамента как исторического источника. Не секрет, что иногда даже в специальных этнографических исследованиях, посвященных народному искусству, когда речь заходит о происхождении орнамента, произвольно сопоставляются отдельные орнаментальные мотивы, распространенные у чрезвычайно широкого круга народов и на основании этого делаются весьма ответственные выводы. С другой стороны, некоторые исследователи, справедливо отмечая многие неясности в изучении орнамента, вообще отказываются от использования его как исторического источника при решении вопросов этногенеза, историко-культурных связей народов. Поэтому значение данной книги, в которой автором наряду с некоторыми, если так можно выразиться, традиционными методами анализа орнамента были вполне успешно применены новые приемы исследования, представляет большую ценность для всех, кого интересует методика изучения орнамента как исторического источника.

Труд С. В. Иванова состоит из шести глав и заключения. В первой главе рассматривается проблема и методика исследования, во второй — орнамент обских угров, в третьей — орнамент народов Крайнего Северо-Востока Сибири, в четвертой — орнамент эвенков, эвенов и долган, в пятой — орнамент народов Приамурья, Приморья, Северного Сахалина, в шестой — некоторые вопросы сравнительно-сопоставительного и генетического изучения орнамента.

Рассматривая проблематику и методику исследования, автор видит особую ценность народного орнамента как исторического источника в том, что он представляет собой относительно устойчивый элемент художественной культуры, сохраняющийся на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Это позволяет сопоставлять современный орнамент с древним даже в тех случаях, когда посредствующие звенья меж-